

# ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ СФЕР ВЛИЯНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В ОТНОШЕНИЯХ СТРАН «БОЛЬШОЙ ТРОЙКИ» (1941–1944 ГОДЫ)

Р. С. Айриян

*Южный федеральный университет*

Поступила в редакцию 24 июля 2024 г.

**Аннотация:** анализируется процесс «оформления» сфер влияния ведущих стран антигитлеровской коалиции в Европе (преимущественно речь идет о британской и советской сферах влияния) в течение войны, роль союзников в становлении зоны ответственности СССР. Автор приходит к выводу, что не на Ялтинской конференции, а намного раньше было достигнуто соглашение о разграничении сфер влияния в Восточной Европе между СССР, Великобританией и США.

**Ключевые слова:** сферы влияния, процентное соглашение, послевоенное мироустройство, холодная война, антигитлеровская коалиция, Восточная Европа.

**Abstract:** the article analyzes the process of «registration» of the spheres of influence of the leading countries of the anti-Hitler coalition in Europe (mainly the British and Soviet spheres of influence) during the war; the role of the allies in the formation of the zone of responsibility of the USSR. The author concludes that it was not at the Yalta Conference, but much earlier, that an agreement was reached on the delimitation of spheres of influence in Eastern Europe between the USSR, Great Britain and the USA.

**Key words:** spheres of influence, percentage agreement, post-war world, Cold War, anti-Hitler coalition, Eastern Europe.

Истории разграничения сфер влияния в Восточной Европе после Второй мировой войны всегда уделялось большое внимание в отечественной и зарубежной историографии. Хотя формально союзники не желали делить Европу, однако это уже происходило в годы войны, и именно это заложило основу под все послевоенное мироустройство. В межсоюзнических отношениях вопрос о будущих сферах влияния был поставлен уже в 1941 г. во время визита Антони Идена, министра иностранных дел Великобритании, в Москву, и в ответном визите народного комиссара по иностранным делам СССР Вячеслава Молотова в Лондон в 1942 г.

16 декабря 1941 г. Иосиф Сталин впервые озвучил внешнеполитические цели Советского Союза, предложив А. Идену разделить Европу на сферы влияния. Согласно советскому предложению СССР и Великобритания должны подписать секретный протокол, в котором Великобритания признавала бы вхождение в Советский Союз государств Балтии, части Финляндии, Восточной Пруссии, Бессарабии и Северной Буковины. Более того, британское правительство должно было признать как «линию Керзона» в каче-

стве советско-польской границы, так и советско-румынский и советско-финляндский военные союзы и не препятствовать созданию военных баз СССР в этих странах. Сталин стремился не столько к территориальной экспансии, сколько к признанию со стороны Великобритании довоенных границ СССР (т. е. границ советского государства на 1940 г.). Взамен советское правительство обязалось поддержать союзническую державу в удовлетворении ее потребностей в военных базах в Западной и Северной Европе. Сталин заявил, что не возражал бы, если таковые появились бы во Франции, Бельгии, Нидерландах, Норвегии и Дании [1, с. 91–92]. Иден с удовлетворением выслушал предложение Сталина относительно британских интересов, однако насторожился, когда глава СССР заявил о своих притязаниях. А. Иден отметил, что он не может подписать секретный протокол без проведения предварительной консультации с кабинетом министров.

Особо стоит в этом контексте отметить два момента, непосредственно связанных с будущим формированием сфер влияния. Во-первых, ни СССР, ни Великобритания принципиально не возражали против раздела Европы. В отличие от них, в правительственных кругах США шла борьба между сторонниками и противниками данной политики. В руководстве США сторонниками формирования подобных сфер

влияния были Г. Уоллес (министр торговли), Г. Стимсон (военный министр) и сотрудник американского посольства в Москве Джордж Кеннан. Военные полагали, что сферы влияния помогут избежать прямой конфронтации с СССР. Экономисты считали, что сферы влияния позволят развивать рыночные отношения в своей зоне ответственности без оглядки на мнение Советского Союза. Дипломаты отмечали, что раздел Европы необходим, чтобы сдержать дальнейшую коммунистическую экспансию. Ярким противником вышеназванной политики были Франклин Рузвельт и государственный секретарь Корделл Хэлл. Рузвельт полагал, что сферы влияния – это пережиток прошлого, и именно они являлись причинами всех европейских войн, в том числе и двух мировых. Следовательно, как считал американский президент, политике баланса сил и интересов следует противопоставить систему «четырех полицейских» (США, СССР, Великобритания и Китай). Однако, как думается, вышеназванная политика несколько не противоречила разделу мира на сферы влияния, ибо все равно предполагалось, что каждый «полицейский» будет ответственен в определенной зоне. Позиция президента США стала причиной, почему на начальном этапе Соединенные Штаты избрали курс на отрицание политики сфер влияния в международных отношениях.

Во-вторых, на данном этапе отчетливо видно, что в планы Советского Союза не входило еще создание «пояса дружественных государств» на западных границах СССР. В зону советского влияния включены были только Румыния и Финляндия. Если бы изначально Сталин собирался выстраивать свою сферу влияния в Центральной и Восточной Европе, то вряд ли бы он пренебрег Болгарией и Венгрией. Однако, как следует из проекта секретного протокола, Сталин желал лишь наказать эти два государства за союз с Германией, передав часть их территорий Турции и Чехословакии соответственно. Если бы он настаивал на собственной сфере влияния в Европе, то как политик-прагматик не мог не просчитать, что именно Болгария будет в нее включена, а не Турция, на которую уже не одно столетие имеет виды «британский лев». Таким образом, ему было бы не выгодно передавать часть Болгарии, а следовательно, часть своей потенциальной сферы влияния, Турции, и тем самым усиливать влияние Великобритании в данном регионе.

В британо-советских переговорах в декабре 1941 г. основное внимание было уделено западным границам СССР. Более того, Сталин отмечал, что он гораздо больше заинтересован в признании границ с Финляндией, Румынией и включении прибалтийских государств в состав Советского Союза, а не с Польшей [2, с. 104].

После переговоров со Сталиным А. Иден составил меморандум 28 января 1942 г. для членов кабинета министров. Давая оценку переговорам, Иден отмечал, что требование Сталина «...кажется умеренным...», если мы подумаем о том, что он мог бы потребовать гораздо большего, например, контроля над Дарданеллами, сферы влияния на Балканах, одностороннего навязывания Польше русско-польской границы, доступа к Персидскому заливу и к Атлантическому океану с предоставлением русским норвежской и финской территорий» [3, с. 95]. Как можно заметить из этого меморандума, на переговорах советская сторона вообще не поднимала речи о включении в собственную сферу влияния не только Польши, но и стран Балканского полуострова.

Министр иностранных дел Великобритании, как представляется, неверно оценил позицию советского правительства: требования были не умеренными, а реалистичными. Руководство СССР добивалось того, на что оно, по мнению Сталина, имело историческое право и юридическое основание. С учетом того, что этот совершенно секретный меморандум вскоре был на столе у Сталина, слова Идена дали понять ему, что можно требовать большего, и лимит не будет исчерпан даже если все его претензии относительно границ будут приняты. Впоследствии, вновь исходя из реалий сложившейся международной обстановки, Сталин частично потребует и получит то, что было Иденом перечислено. В частности, СССР добьется своей сферы влияния на Балканах и аренды части территории Финляндии. В мае 1942 г. Великобритания фактически признала за Советским Союзом прибалтийские государства. Еще ранее, в вышеназванном меморандуме, А. Иден отметил, что это соответствует стратегическим интересам Британии, ибо Россия, получив Прибалтику, будет иметь возможность оспорить у Германии господство в Балтийском регионе. На большие уступки Великобритания идти не собиралась, при этом постоянно ссылаясь на позицию Соединенных Штатов, не желавших решать вопросы о границах до окончания войны. Осознав это, Сталин телеграфировал В. Молотову в Лондон 24 мая 1942 г. следующее: «Проект договора, переданный тебе Иденом, получили... Там нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. Вопрос о границах... на том или ином участке страны будем решать силой» [4, с. 172].

Резкое изменение советской позиции относительно собственных западных границ объяснялось желанием Сталина не накалять союзнические отношения, тем более что ожидалось открытие второго фронта на севере Франции в 1942 г. К тому же для чего было сотрясать впустую воздух, если было наверняка известно Сталину, что Черчилль больше ничего не

уступит, а Рузвельт категорически отказывается обсуждать вопрос о границах до мирной конференции, а выступать просителем значило показать свою слабость. Более того, Сталин полагал, что, когда советские войска выйдут на государственную границу, тогда можно будет обсуждать эти вопросы с позиции силы, опираясь на право победителя. И действительно, отсутствие упоминаний о границах способствовало тому, что в скором будущем требования со стороны СССР возрастали с каждым успехом Красной Армии.

Это был очень недалекovidный поступок со стороны союзников. Их отказ признавать довоенные границы СССР базировался на двух положениях Атлантической хартии: великие державы не стремятся к территориальным приобретениям и право каждого народа выбирать желанную им форму правления. Но, с формальной точки зрения, данный отказ не был достаточно обоснован, так как, с одной стороны, Сталин требовал признания своих довоенных границ, а с другой стороны, в 1940 г. в прибалтийских республиках прошел плебисцит о присоединении к СССР. Более того, отказ Великобритании и США насторожил советское руководство, ибо никто не сомневался в праве, например, Чехословакии вернуть себе Судетскую область после войны, в праве Франции восстановиться в границах 1939 г., но почему-то в этом было отказано СССР. Согласившись на возврат Советскому Союзу территорий, оккупированных на тот момент нацистскими силами, и задокументировав этот факт, западные державы могли им же оградить возможную будущую экспансию советского государства в отношении Восточной Европы. К тому же вряд ли кто-нибудь мог помешать советскому правительству в одностороннем порядке решать свои проблемы с западными соседями в конце войны. Определенно это понимали и в британском правительстве. Так, Иден писал: «Наше согласие или отказ не могут в какой-либо форме отразиться на русских послевоенных границах, ни мы, ни Америка не сможем заставить СССР уйти с занятой ими в конце войны территории...» [3, с. 96]. Ранее, в декабре 1941 г., Черчилль писал Рузвельту, что «нельзя интерпретировать Атлантическую хартию в таком смысле, что она отказывает России в тех границах, которые она имела к моменту, когда на нее напал Гитлер» [5, р. 239].

Таким образом, к концу 1942 г. достаточно четко выявились внешнеполитические цели СССР. Не менее четко цели Великобритании были провозглашены в меморандуме Идена: наличие английских военных баз в Европе, создание балканской и польско-чехословацкой федераций, а также отказ великих держав от территориального расширения. Цели же США были определены еще 14 августа 1941 г. в Атлантической хартии: отказ от территориальных приобре-

тений, политика открытых дверей и равных возможностей, создание новой организации безопасности.

Однако в начале 1943 г. Рузвельт понял, что он должен отказаться от политики неприятия территориальных притязаний Сталина. Новая позиция президента была продиктована тем, что без привлечения Советского Союза к будущему мироустройству система коллективной безопасности будет обречена на провал. Более того, Соединенные Штаты нуждались в участии СССР в войне против Японии. Кроме того, послевоенное американо-советское сотрудничество должно было обеспечить США и Европу сырьем и огромным рынком сбыта. К тому же активное участие Соединенных Штатов в мировых процессах, в частности, в разделе сфер влияния, в будущем должно было обезопасить США от реванша изоляционистов внутри страны. Многие факты свидетельствуют о том, что, с одной стороны, Восточная Европа, которую Сталин уже начал считать своей сферой влияния, вовсе не интересовала Рузвельта (за исключением Польши), а с другой стороны, президент все более и более утверждался в мысли, что требования Сталина вызваны опасениями за безопасность своего государства. Не желая ставить под удар послевоенное сотрудничество с СССР, он считал справедливым, чтобы соседи Советского Союза были ему «дружественными». Как вспоминал У. Леги, военный советник Ф. Рузвельта, «президент не беспокоился о том, что должны были получить русские. Он думал, что их требования справедливы» [6, с. 396].

С президентом США было согласно и Управление стратегических служб США, в меморандуме которого в мае 1943 г. отмечалось, что «Москва не планирует овладением чужими территориями, чтобы включить их в Советский Союз. Сталин желает остаться в национальных границах России» [7, с. 14]. По мнению авторов меморандума, Москва будет удовлетворена, «если будут созданы дружественные правительства в соседних государствах: Польше, Финляндии, Венгрии, Румынии и на Балканах, причем эти страны необязательно должны быть коммунистическими». С военными аналитиками категорически не был согласен Уильям Буллит, посол США в СССР в 1933–1936 гг. В письме президенту Рузвельту 10 августа 1943 г. он отмечал, что следует срочно ввести англо-американские войска в Восточную Европу и на Балканы с целью «...разгромить Германию и... отгородить Европу от Красной Армии» [8, р. 5]. Однако посол не нашел понимания у Франклина Рузвельта.

В результате весной–летом 1943 г. Соединенные Штаты признали Восточную Европу сферой влияния СССР. Этому способствовал и роспуск Коминтерна в 1943 г. Западные страны оценили этот шаг как свидетельство отказа Сталина от идеологических уста-

новок в реализации внешней политики. Сталин не единожды показывал и впоследствии, что на первом месте у него геополитические интересы страны, а не вопросы идеологии: до 1948 г. советизации не была подвергнута Чехословакия, полностью этого избежала Финляндия, греческие коммунисты не были поддержаны в период Гражданской войны и т. д. Тот факт, что на карте мира Советский Союз сменил Российскую империю, не означал кардинального изменения целей внешней политики страны. Даже ярый противник Советского Союза и коммунизма как идеологии Джон Фостер Даллес полагал, что «Русская революция свергла царя и уничтожила все институты царизма. Но внешняя политика СССР сегодня – это продолжение дела Петра Великого» [9, р. 272]. Таким образом Даллес полагал, что требования Сталина вызваны не агрессивностью коммунистической идеологии или первого социалистического государства, а геополитическими интересами СССР.

9 октября 1943 г. М. М. Литвинов, глава комиссии по вопросам мирных соглашений и послевоенного устройства, подготовил отчет В. М. Молотову, в котором основное внимание было уделено тому, что без разделения мира на американскую, британскую и советскую сферы влияния новая международная организация не сможет быть эффективной [10, с. 86]. Он полагал, что раздел Европы и мира на зоны ответственности сведет к минимуму конфликты среди ведущих стран антигитлеровской коалиции. С такими намерениями Советский Союз подошел к Тегеранской конференции руководителей трех союзных держав (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). Одним из центральных вопросов конференции была проблема границ и сфер влияния. Президент США высказался в пользу того, что прибалтийские государства после войны должны быть включены в состав СССР, но при условии проведения плебисцита. Правда, когда он должен был пройти, Рузвельт не отметил: было сказано «в свое время» [11, с. 152] и без международных представителей. Следовательно, идея с плебисцитом была предложена лишь для успокоения общественного мнения США и Великобритании. Черчилль еще в мае 1942 г. на встрече с Молотовым высказал свою позицию. Кроме того, 3 апреля 1943 г. он говорил Эдварду Бенешу, президенту Чехословакии в изгнании, что эти государства отойдут окончательно к Советскому Союзу, «...мы будем последними из тех, кто захочет забрать территории, которые ей (России. – Р. А.) исторически и стратегически принадлежат» [12, с. 148].

На тегеранской конференции было принято решение, что СССР получит Кенигсберг в Восточной Пруссии, Бессарабию и часть Финляндии. Рузвельт и Черчилль тогда же пообещали потребовать у турецкого правительства открытия проливов для судов всех

Объединенных Наций. Взамен Советский Союз признал наличие особых интересов США в регионе Тихого океана. По сферам влияния в остальной части Восточной Европы на конференции речь не велась.

Через 10 дней после окончания конференции в Тегеране советскому руководству стало очевидно, что правительство Чехословакии, испытывая «мюнхенский синдром», готово добровольно войти в сферу влияния СССР, а не западных стран. Так, в ходе декабрьских переговоров Э. Бенеша с И. Сталиным и В. Молотовым чехословацкой стороной было высказано мнение, что экономика Чехословакии должна быть равно ориентирована на Запад и Восток, но внешняя политика страны должна координироваться только с СССР. Если внимательно анализировать ход переговорного процесса, то позиция представителей Чехословакии напоминает позицию стороны, которая отчитывается о том, что собирается сделать, что известно о государственных деятелях Польши, Румынии и Венгрии. Кроме того, обращает на себя внимание то, что Бенеш несколько раз говорит о лояльности Советскому Союзу и готовности к полному сотрудничеству (в том числе и в военной области) и пр. [13, с. 16–22].

В конце 1943 г. исход войны уже не вызывал сомнений. Ясно было, исходя из нежелания союзников открывать Второй фронт, что Восточную и Центральную Европу освобождать будет советская армия. Президент Чехословакии это тоже понимал: ему нужно было вернуть Словакию и Судетскую область, отстоять за своей страной Тешинскую область (на которую претендовали поляки). Полагаться всецело на правительство Великобритании он не мог, так как не был еще забыт Мюнхенский сговор и участие в нем англичан. Более того, ожидалось, что в чешско-польском споре за Тешин Великобритания встанет на сторону Польши. Американцы также не могли пользоваться доверием, ибо после войны собирались выводить свои войска из Европы. Помимо этого, в США было сильно польское лобби, и это тоже не могло не приниматься в расчет чехословацким президентом. Оставался только Советский Союз, который не предавал Чехословакию в Мюнхене, не собирался выводить в скором времени войска из Европы и был способен отстоять интересы Чехословакии, стремящейся к возвращению своих границ к границам 1938 г. Для того чтобы заручиться поддержкой Советского Союза, Чехословакия подписала 12 декабря 1943 г. Договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве, став первым восточноевропейским государством, сделавшим это.

Уже в начале января 1944 г. И. М. Майский направляет записку В. М. Молотову по вопросам будущего мира и послевоенного устройства. Согласно записке, после окончания войны должны быть за-



ключены договоры о взаимопомощи между СССР и Румынией, Югославией, Болгарией, Польшей, Финляндией. Он отмечал, что на Балканах сложная ситуация сложилась с Грецией: «...СССР заинтересован в Греции гораздо меньше, чем в других балканских странах, а Англия, наоборот, в Греции чрезвычайно заинтересована» [14, с. 31]. Помимо Греции в сферу влияния Великобритании и США были отнесены страны Западной Европы и частично Скандинавия. Так, если в 1941–1942 гг. Советский Союз готов был поддержать желание (если таковое было бы) Великобритании создать военные базы на территории Норвегии, то уже в 1944 г. отмечается, что это не в интересах Советского Союза. Очевидно, что это было связано с ходом военных действий и серьезными геополитическими изменениями.

Далее, в разделе «Перспективы» И. М. Майский отмечал, что США представляют собой «динамический империализм» и будут стремиться к широкой экспансии в Америке, Азии, Африке и Австралии. Следовательно, по его мнению, эта экспансия пойдет мимо СССР и не затронет его интересов. Однако, как представляется, здесь заметно большое упущение, так как, во-первых, не бралась в расчет экспансия в направлении Европы (а это было естественным шагом для США, так как разоренная и голодная Европа была прекрасным рынком сбыта), а во-вторых, не рассматривалась возможность будущего советского проникновения в Азию и Африку, где уже протекали процессы деколонизации.

Не отставали от своих коллег и американские аналитики: весной 1944 г. в меморандуме Объединенного Комитета начальников штабов отмечалось, что советское влияние в послевоенной Европе будет превосходить британское [15, р. 27]. Более того, в меморандуме фиксировалось, что разгром Германии приведет к вакууму силы в Центральной Европе, что усилит позиции СССР. Следовательно, целью США, по меморандуму, должно быть недопущение господства какой-либо одной державы в Европе [там же, р. 49]. Позже, во второй декаде сентября 1944 г., американский посол в Москве А. Гарриман писал государственному секретарю США К. Хэллу: «Меня пугает, что когда страна начинает расширять свое влияние силовыми методами... под прикрытием обеспечения безопасности, трудно определить, где будет проведена черта. Если согласиться с тем, что Советский Союз имеет право проникать в соседние государства ради своей безопасности, то затем может наступить очередь следующих соседних с ними государств» [16, с. 198]. Гарриман опасался, что при такой политике Советский Союз «превратится в мирового задиру повсюду, где затрагиваются его интересы» [17, р. 102]. Однако, как представляется, Аверелл Гарриман несколько сгущал краски: ради

новых сфер влияния в Европе, ранее признанных британскими, Сталин вряд ли бы пошел на срыв послевоенного сотрудничества с союзниками. Несмотря на подобного рода предостережения, Рузвельт не мог избежать раздела Европы, так как оба его союзника стремились к этому. Вследствие этого целью политики Рузвельта стала попытка добиться от Черчилля и Сталина признания того, что сферы влияния – это лишь контроль над внешней политикой «опекаемых» стран. Дипломатический корпус США с этим не соглашался: 19 августа 1944 г. в меморандуме «Политика США в отношении Греции» отмечалось, что Соединенные Штаты должны «предотвратить раздел Балкан на британскую и русскую сферы влияния» [18, с. 22]. Но в меморандуме не предлагались президенту никакие методы и инструменты достижения этой цели. В результате раздел Европы на сферы влияния произошел. 9 октября 1944 г. Уинстон Черчилль предложил Сталину раздел по следующей схеме: преобладающее влияние СССР в Румынии и Болгарии, доминирование Англии в Греции, поровну «разделить» Югославию и Венгрию [19, с. 449]. Позже уже было признано преобладание советских интересов и в Венгрии.

Черчилль остался доволен этим соглашением, что явствует из его послания кабинету министров 12 октября 1944 г. В нем он отметил, что, хотя Сталин и поднимал вопрос о черноморских проливах, никакого решения принято не было. Более того, он писал, что соглашение не предусматривает создания твердой системы сфер влияния [там же, с. 454–456]. Однако это соглашение как для Сталина, так и для Черчилля означало возможность свободно действовать в своих сферах влияния без оглядки на мнение и позицию союзников. 7 ноября 1944 г. в письме Идену Черчилль, в частности, писал: «...учитывая цену, которую мы заплатили России за нашу свободу действий в Греции, мы должны... использовать английские войска для поддержки греческого королевского правительства...» [там же, с. 486].

О том, что для Сталина данное соглашение имело большое значение, свидетельствует хотя бы тот факт, что он достаточно пассивно наблюдал за тем, как Великобритания подавляла левое крыло греческого Движения Сопротивления; вынудил Иосипа Броз Тито пойти на создание коалиционного правительства с Иваном Шубашичем (премьер-министром югославского правительства в эмиграции); разрешил провести свободные выборы в Венгрии в конце 1945 г., на которых коммунисты потерпели разгромное поражение; установил дружественные режимы в Болгарии и Румынии без обязательного условия по их «советизации». Уже в марте 1945 г. У. Черчилль писал Рузвельту, что «Сталин очень строго придерживается англо-русского соглашения» [20, р. 9].

Рузвельт отсутствовал при заключении соглашения между Черчиллем и Сталиным, но тем не менее был полностью осведомлен о достигнутых договоренностях. Ему об этом сообщал как Черчилль, так и американский посол в СССР А. Гарриман. Именно Гарриман отмечал, что «президент последовательно высказывает очень незначительный интерес к восточноевропейским делам...». По словам посла, Рузвельта больше интересовал тихоокеанский регион, а не европейский, где вопросы были столь сложны, что «он считал желательным не касаться их настолько, насколько это возможно...» [19, с. 476–477].

Американский историк Уолтер Лафайбер отмечал, что Рузвельт стоял перед выбором: он мог либо сражаться за свободную послевоенную Европу, либо согласиться с требованиями Сталина относительно советской сферы влияния в Восточной Европе [21, р. 12]. За первый вариант ратовали часть дипломатического корпуса и некоторые военные аналитики, которых не устраивала позиция США относительно капитуляции Румынии. Так, в апреле 1944 г. отдел по гражданским делам Армии США отмечал, что Соединенным Штатам «не следовало позволять русским полностью закрывать двери на Балканах... необходимо защищать свое право на установление с Румынией военных и политических контактов... Соглашаться на меньшее означало бы ставить послевоенные позиции США под угрозу» [22, с. 63]. Но Рузвельт считал, что такая политика приведет к обострению в межсоюзнических отношениях и срыву послевоенного сотрудничества, а это в свою очередь может привести к глобальному противостоянию между США и СССР, и он выбрал второй путь – принятие требований Сталина ради установления послевоенного мира. Сделать выбор ему помог меморандум, подготовленный в мае 1944 г. Объединенным комитетом по стратегическим запросам о послевоенном территориальном устройстве, в котором говорилось, что США «были бы в состоянии успешно защищать Великобританию, но никогда не смогли бы нанести поражение России. Не могла рассчитывать на победу над США и Россия. Наиболее вероятной причиной такого конфликта могла бы стать попытка одного из союзников... усилить свою мощь путем присоединения к себе части Европы» [там же, с. 39].

Через месяц после заключения «процентного соглашения» (15 ноября 1944 г.) в стенах Министерства иностранных дел была подготовлена М. Литвиновым записка «О перспективах и возможной базе советско-британского сотрудничества», в которой к советской сфере влияния, помимо Финляндии, Венгрии, Болгарии, Румынии, Чехословакии, Польши и Югославии, отнесены были также Швеция и Турция. Здесь, как отмечалось, основным принципом разграничения сфер влияния является принцип ближайшего сосед-

ства. Исходя из этого Великобритания «получала» в качестве своей зоны влияния Голландию, Бельгию, Испанию, Португалию, Францию и Грецию. По мнению Литвинова, между двумя сферами влияния следует организовать нейтральную зону, включающую Норвегию, Данию, Германию, Австрию и Италию [23, с. 90].

Примечательно, что в конце 1944 г., когда стало понятно, что Великобритания настолько ослабла, что не станет равным партнером Советскому Союзу и США в послевоенном мире, Сталин продолжал обсуждать судьбы Европы с Черчиллем, а не Рузвельтом. Возможно, это было связано с тем, что, во-первых, Рузвельт категорически отказывался обсуждать данный вопрос и отвергал политику баланса сил, и во-вторых, как представляется, советское руководство полагало, что распределение сфер влияния с Великобританией означает и раздел с Соединенными Штатами. В целом, Сталин считал, что при некоторых различиях целей США и Великобритании их внешняя политика была идентична.

С уверенностью, таким образом, можно констатировать, что Ялтинская конференция не стала местом раздела сфер влияния в Европе. Сферы влияния (или, как их еще называли, сферы/зоны интересов, сферы/зоны безопасности) были определены и признаны ведущими союзными державами к концу 1944 г., а конференция лишь утвердила принцип «*cuius region, eius religio*» (чья власть, того и вера) в международных отношениях. Кроме того, отметим, что «процентное соглашение» о разделе Восточной Европы на сферы влияния было инициативой британской стороны, поддержанной Советским Союзом и одобренной, пусть и без большого воодушевления, Соединенными Штатами в лице президента Франклина Рузвельта. На встрече с сенаторами 11 января 1945 г. президент США откровенно заявил: «Русские обладают влиянием в Восточной Европе, и очевидно, что невозможно разорвать с ними отношения. Следовательно, реализуем лишь курс на использование нашего влияния для улучшения ситуации» [24, р. 582]. Данная установка была реализована принятием Декларации об освобожденной Европе, в которой отмечалось, что союзные державы совместно будут способствовать демократическому развитию освобожденных народов. Однако имеющиеся противоречия не позволили сторонам в послевоенный период реализовать задуманное. Мир очень быстро вошел в новый этап своего развития, получивший название «Холодная война».

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Ржевский О. А. Визит А. Идена в Москву в декабре 1941 г. / О. А. Ржевский // Новая и новейшая история. – 1994. – № 2.

2. Ржешевский О. А. Визит А. Идена в Москву в декабре 1941 г. / О. А. Ржешевский // Новая и новейшая история. – 1994. – № 3.
3. Царев О. И. СССР – Англия : от сотрудничества к конфронтации (1941–1945 гг.) / О. И. Царев // Новая и новейшая история. – 1998. – № 1.
4. Ржешевский О. А. Визит В. М. Молотова в Лондон в мае 1942 г. / О. А. Ржешевский // Новая и новейшая история. – 1997. – № 6.
5. Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War / L. Woodward. – London, 1971.
6. Уткин А. И. Дипломатия Франклина Рузвельта / А. И. Уткин. – Свердловск, 1990.
7. У истоков «социалистического содружества» : СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. – М., 1995.
8. Gaddis J. L. Strategies of Containment : a critical appraisal of Postwar American National Security Policy / J. L. Gaddis. – N. Y., 1982.
9. Pruessen R. W. John Foster Dulles : the road to power / R. W. Pruessen. – N. Y., 1982.
10. Робертс Дж. Сферы влияния и советская внешняя политика в 1939–1945 гг. : идеал, расчет и импровизация / Дж. Робертс // Новая и новейшая история. – 2001. – № 5.
11. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. : в 6 т. Т. 2. Тегеранская конференция. – М., 1984.
12. Марьина В. В. Чехословацко-советские отношения в дипломатических переговорах 1939–1945 гг. / В. В. Марьина // Новая и новейшая история. – 2000. – № 4.
13. Переговоры Э. Бенеша в Москве (декабрь 1943 г.) // Вопросы истории. – 2001. – № 1.
14. Записка И. М. Майского В. М. Молотову от 10 января 1944 г. // Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953 гг. Документы : в 2 т. Т. 1. 1944–1948 гг. – М., 1999.
15. Gaddis J. L. The Long Peace : Inquiries into the Cold War / J. L. Gaddis. – N. Y., 1987.
16. Печатнов В. О. Московское посольство Аверелла Гарримана (1943–1946 гг.) / В. О. Печатнов // Новая и новейшая история. – 2002. – № 3.
17. Larson W. D. Origins of Containment : A Psychological Explanation / W. D. Larson. – Princeton, 1985.
18. Смирнова Н. Д. Греция в политике США и СССР, 1945–1947 гг. Новые архивные документы / Н. Д. Смирнова // Новая и новейшая история. – 1997. – № 5.
19. Черчилль У. Вторая мировая война : в 3 кн. Кн. 3, т. 5–6 / У. Черчилль. – М., 1991.
20. Witner L. S. Cold War America : from Hiroshima to Watergate / L. S. Winter. – N. Y., 1974.
21. LaFeber W. America, Russia, and Cold War, 1945–1990 / W. LaFeber. – N. Y., 1990.
22. Штолер М. А. Американское военное планирование и СССР, 1943–1944 гг. / М. А. Штолер // Новая и новейшая история. – 1994. – № 6.
23. Наринский М. М. Европа : проблемы границ и сфер влияния (1939–1947 годы) / М. М. Наринский // Свободная мысль. – 1998. – № 3.
24. Freidel B. Franklin D. Roosevelt : a rendezvous with destiny / B. Freidel. – N. Y., 1990.

Южный федеральный университет

Айриян Р. С., кандидат исторических наук, доцент,  
заведующий кафедрой зарубежной истории и между-  
народных отношений

E-mail: rsayriyan@sfned.ru

Southern Federal University

Ayriyan R. S., Candidate of Historical Sciences, Asso-  
ciate Professor, Head of the Department of Foreign History  
and International Relations

E-mail: rsayriyan@sfned.ru